

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

LINGUISTIC NOTES

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 80.811.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-4-75-86

Еще раз о синтаксической деривации (к проблеме синтаксической и коммуникативно-текстовой обусловленности)

Надежда Константиновна Онипенко¹, Елена Николаевна Никитина²

¹ Институт русского языка имени В. В. Виноградова, Российская академия наук, г. Москва, Россия, onipenko_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0623-5324>

² Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление», Российская академия наук, г. Москва, Россия, yelenon@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6207-8693>

Аннотация. Статья посвящена проблемам связи словообразования и синтаксиса в широком понимании данного раздела языка (с включением текста как языковой единицы). Рассматриваются семантика и грамматические признаки глаголов, образованных от имен прилагательных (ср.: *красный* – *краснеть*, *толстый* – *толстеть* и т. п.). Цель статьи – на основе имеющихся исследований отыменных глаголов с семантикой изменения признака показать соотношение их системно-грамматических свойств с функционально-текстовыми возможностями, что позволит уточнить понимание синтаксической деривации. При описании глагольной лексики используется функционально-семантический подход, предложенный Г. А. Золотовой.

Ключевые слова: функционально-семантический подход, неизосемические (неакциональные) глаголы, синтаксическая деривация, словообразовательная транспозиция, дериват, статуальное/динамическое значение, парадигматический/синтагматический аспект, модификация

Для цитирования: Онипенко Н. К., Никитина Е. Н. Еще раз о синтаксической деривации (к проблеме синтаксической и коммуникативно-текстовой обусловленности) // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 4. С. 75–86. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-4-75-86.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

One more time about syntactic derivation

(addressing the issue of syntactic and communicative-textual causality)

Nadezhda K. Onipenko¹, Elena N. Nikitina²

¹ Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, onipenko_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0623-5324>

² Federal Research Center Computer Science and Control, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, yelenon@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6207-8693>

Abstract. The study deals with the difficulty in identifying the relations between word formation on the one hand and syntax in its broad sense (i. e. including text as a linguistic unit) on the other. The paper focuses on the semantics and grammatical properties of verbs derived from adjectives (cf.: *красный* / *red* – *краснеть* / *to reddens*, *толстый* / *thick* – *толстеть* / *to thicken* and others). The aim is to describe the correlation between the systemic grammatical properties and the functional-textual potential of such verbs on the basis of the available existing literature on denominal verbs with the semantics of property change. The research will help to redefine the understanding of syntactic derivation. The functional-semantic approach proposed by G. A. Zolotova is employed to examine verb vocabulary.

Keywords: functional-semantic approach, non-isosemic (non-action) verbs, syntactic derivation, word-forming transposition, derivative, static/dynamic meaning, paradigmatic/syntagmatic aspect, modification

For citation: Onipenko N. K., Nikitina E. N. One more time about syntactic derivation (addressing the issue of syntactic and communicative-textual causality). *Russkii yazyk v shkole* = *Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 4. P. 75–86. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-4-75-86. (In Russ.).

Введение. Русистика начала XXI в. характеризуется антропоцентризмом, преодолением уровневых границ (и, соответственно, интересом к межуровневому взаимодействию языковых единиц), интегральностью (взаимонаправленное описание словаря и грамматики, развитие «активной лексикографии»), текстоцентризмом и объяснительностью. Эти тенденции возникли не на пустом месте, они являются результатом наблюдений, развитием приемов, идей, которые разрабатывались в русистике XIX – начала XX в. Начало антропоцентризма лежит в русистике второй половины XIX в. (см. об этом: [Шелякин 2012]). Объяснительный подход находим, например, у А. М. Пешковского, текстоцентризм, а также взаимодействие лексики и грамматики – прежде всего у В. В. Виноградова. Часть упомянутых принципов и соответствующая терминология принадлежат лингвистике последней трети XX – начала XXI в. Интегральность и взаимодействие с другими гуманитарными дисциплинами связаны с именами таких ученых, как Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, Ю. Д. Апресян; принцип межуровневого взаимодействия лежит в основе функциональной грамматики (см. труды А. В. Бондарко, Г. А. Золотовой, М. В. Всеволодова и др.), а также в работах Т. В. Булыгиной, В. Г. Гака, Е. В. Падучевой. Все эти тенденции современной лингвистики отвечают задачам преподавания русского языка как родного в школе, поскольку предполагают опору теории на языковую интуицию носителей русского языка, т. е. самих субъектов речевой деятельности.

В настоящей статье рассматривается связь словообразования и синтаксиса (в его широком понимании – с включением уровня текста). Речь пойдет о семантике и грамматических свойствах глаголов, образованных от основ прилагательных и выражающих изменение признака (*темнеть, розоветь, умирать, стройнеть, бронзоветь*)¹. Обращение к этим глаголам, много-

кратно описанным в русистике, обусловлено не только значительной активизацией отыменного глагольного словообразования в текстах людей цифровой эпохи, но и необходимостью рассмотрения «старого» объекта с помощью новых научных подходов. Опираясь на наиболее интересные наблюдения предшественников, мы постараемся показать соотношение системно-грамматических свойств глаголов со значением изменения признака с их функционально-текстовыми возможностями, что позволит внести уточнение в понимание синтаксической деривации. Системно-грамматические свойства включают семантическую и словообразовательную характеристику, словоизменительную парадигму (репертуар словоформ) и набор синтаксических конструкций, возможных для данных глаголов во всем объеме их морфологической парадигмы. Функционально-текстовый аспект включает два параметра: регистровую характеристику и роль языковых единиц в построении связной речи.

Анализ. Предлагаемый в статье подход функционально-семантического описания глагольной лексики был намечен Г. А. Золотовой, которая сформулировала основные принципы описания глагольной лексики в функциональном словаре русских глаголов [Золотова 1994]. Основной задачей функционального словаря было установление связей между семантикой (семантическим типом глагольной группы) и грамматическими возможностями глаголов. Эта задача в настоящее время реализуется учениками Г. А. Золотовой при работе над «Семантико-грамматическим словарем русских глаголов» (проект, работа над которым ведется в ИРЯ РАН с 2018 г.).

Семантическая классификация глаголов, предложенная Г. А. Золотовой, строится на разграничении глаголов полнозначных и неполнозначных, изосемических (акциональных) и неизосемических (неакциональных), которые, в свою очередь, делятся на статуальные, функтивные и реляционные [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 77]. В силу сложной организации и подвижности семантической системы глагольные лексемы могут принадлежать только одному классу или допускать

¹ О соотношении сем ‘качество’ и ‘изменение’ см.: Денисенко В. Н. Семантическое поле ‘изменение’ в русской языковой картине мира (структурный, функциональный, когнитивный аспекты): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: РУДН, 2005. 43 с.

семантические вариации (полисемия), соединяющие семантику разных глагольных классов, что обусловлено типовым значением предложения (синтаксис конструкций) и его модусной принадлежностью, которая обнаруживается на уровне текста, в рамках коммуникативного регистра речи.

Неизосемические (неакциональные) глаголы, а нас интересуют именно они, не обозначают действия и часто являются словообразовательно мотивированными основами других частей речи (*тосковать* ← *тоска*, *капризничать* ← *каприз*, *капризный*, *темнеть* ← *темный*, *бодрить* ← *бодрый*, *косолопать* ← *косолопый*, *прошляпать* ← *шляпа*), значительная часть производных глаголов является отадективными — образованными от основ прилагательных. Именно эти глаголы, наряду с производными существительными, иногда становятся предметом дискуссии в связи с понятием синтаксической деривации² (словообразовательной транспозиции, конструктивного словообразования). Явление синтаксической деривации активно обсуждается в научной литературе; обнаруживаются разные направления изучения дериватов (например, о трех подходах³; о разном наборе объектов, подводимых под понятие синтаксической деривации, см.: [Полтавский 2012: 113]). При этом важно, что главным направлением синтаксической деривации признается движение основ от признаковых частей речи в сторону имен (отглагольные и отадективные существительные) и между именами (например, относительные прилагательные).

Синтаксическая деривация (транспозиция, трансляция) — это процесс, в результате которого изменяется синтаксическая функция, но сохраняется лексическое значение, что вполне соответствует именно тому направлению транспозиции (номинализация). Функция в таком понимании соотносится с системой частей речи, для которых признается наличие первичных

синтаксических функций на уровне предложения [Курилович 1962]. Е. Л. Гинзбург в книге «Словообразование и синтаксис» так определяет синтаксическую деривацию: «Производное является синтаксическим дериватом, если специфика его значения в оппозиции производящему сводима к обозначению одного или нескольких компонентов схемы предложения, предполагаемых, заданных или задаваемых при употреблении производящего в его первичной синтаксической функции» [Гинзбург 1979: 37].

Авторы пражской «Русской грамматики» [Русская грамматика 1979, I: 542, 594] относят к синтаксической деривации не только производные существительные (*белый* — *белизна*), но и отыменные глаголы с «основообразующим суффиксом *-еј-*» (*белый* — *белеть*), который, с их точки зрения, «предназначен для вербализации адективных основ и для выражения эволютивного значения» [Там же: 542]. В качестве примеров синтаксической транспозиции авторы Грамматики приводят глаголы *грубеть*, *дешеветь*, *смуглеть* и говорят о том, что «легче всего подпадают транспозиции названия качеств» [Там же: 529]. Ту же точку зрения отчасти поддерживают Н. В. Белова [Белова 2007: 15–21] и Е. В. Клобуков [Современный русский язык 2009: 381], которые, однако, сужают семантику глагольного синтаксического деривата до статального проявления признака (*белеть* — ‘быть белым, виднеться белым’) и тем самым выводят эволютивное (динамическое) значение («становиться белым») за пределы собственно синтаксической деривации: «При актуализации у глаголов типа *белеть*, *темнеть* статуального значения мы имеем дело с синтаксическими дериватами в их первичной функции... Актуализация динамического значения у данных глаголов происходит во вторичной функции в результате семантической деривации ЛСВ в рамках многозначного слова» [Белова 2007: 20]. Н. В. Белова рассматривает соотношение статуального и динамического значения только на адективных основах цветowych и световых (интенсивных) прилагательных, от которых образуются «изобразительные глаголы». Такой подход оставляет за пределами понятия синтаксической деривации многие другие глаголы на *-еть*. Решение этой проблемы представляется возможным

² Термин вошел в научный обиход после статьи Е. Куриловича (1936): [Курилович 1962: 57–70].

³ Белова Н. В. Словообразовательная транспозиционная парадигма русских прилагательных и ее семантико-коммуникативный потенциал (на материале прилагательных со значением цвета и интенсивности): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2007. С. 6.

при соединении словообразовательной проблематики с синтаксической парадигматикой (дериватологией в понимании Л. Н. Мурзина [Мурзин 1984]), с теорией синтаксического поля [Золотова 1973].

Авторы настоящей статьи считают, что динамическое (эволютивное) значение глаголов на *-еть* также принадлежит сфере синтаксической деривации. Ниже будет предложена аргументация в пользу такой интерпретации.

Прежде чем говорить о глаголах, рассмотрим функциональные возможности производных существительных (общепринятых синтаксических дериватов). Семантику производных существительных принято квалифицировать как абстрактную. Собственно абстрактные существительные мы видим в особых текстовых условиях: в сентенциях, афоризмах и общих суждениях (*Мир спасет красота; Безумство ищет, глупость судит*), которые в теории коммуникативной грамматики квалифицируются как генеритивный регистр речи [Золотова и др. 2004], а у С. Г. Ильенко — как сентенционный тип речи [Ильенко 1989]. Кроме того, абстрактные существительные востребованы в информативном регистре: научном и деловом стилях, в которых личностный фактор и актуальная временная локализованность отступают на второй план.

Системно-языковая синтаксическая функция субстантивных дериватов обнаруживается в сфере синтаксической синонимии. Производные существительные в этой функции сохраняют ту же синтаксическую позицию в простом предложении, что и производящее слово: *Компьютер обрабатывает персональные данные. — Компьютер осуществляет обработку персональных данных; Волонтеры убирали мусор. — Волонтеры занимались уборкой мусора; Он много работает. — Он весь в работе; Молчите! — Молчание!* При этом образуется неизосемическая синтаксическая конструкция, в которой предикат действия выражается неглагольным способом — существительным⁴. Синонимически связаны деадъективные и девербативные пропозициональные синтаксемы и придаточные, в которых употреблено слово с производящей основой: *Сказал из*

вредности. — Сказал, потому что вредный; По окончании школы он поступил в университет. — Когда окончил школу, он поступил в университет. Синонимичные конструкции находятся в отношениях выбора, что относится к сфере синтаксической парадигматики; см. понятия синтаксической синонимии и синтаксического поля: [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 188–206]. В рамках словообразования эти явления интерпретируются как реализация цели перестроения речи [Земская 1992].

Вторая функция дериватов — текстовая. Перед нами два примера, в каждом из которых пара однокоренных слов является способом соединения предложений в составе сложного:

(1) Когда я был еще совсем мальчиком, на Кавказ *приехал* Дюма-отец, *его приезд* я хорошо помню (С. Витте. Воспоминания);

(2) Все это было слишком *красиво*, более того — *эта красота* показалась ему какой-то декоративной, ненастоящей, для него одного созданной (В. Пронин. Банда 8).

Если опираться на классическое определение синтаксической деривации, мы можем сказать только то, что производное существительное не меняет лексического значения, но меняет синтаксическую функцию — является дополнением (1) или подлежащим (2). Однако мена синтаксической функции не самоцель: данные существительные являются средством тематизации предшествующей ремы. Следовательно, функции синтаксических дериватов не ограничиваются целью изменить построение речи, субстантивные синтаксические дериваты являются средствами связности (в наших примерах на это указывают и анафорические местоимения, стоящие при производных существительных). Функция связности реализуется между предикативными единицами в речевой последовательности высказываний (между частями сложного предложения или между предложениями в тексте) и предполагает соединение производящего и производного в одном контексте. В этом случае мы имеем синтагматический аспект синтаксической деривации.

Для производного существительного возможно и такое употребление, при котором дериват оказывается в одном предложении

⁴ О соотношении глагольных и неглагольных способов выражения действия см.: [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 163–182].

с мотивирующим словом (синтагматический аспект):

А человек он был заметный: *красив красотой* интеллигентного человека (В. Кичин. Оператор любимых фильмов. Умер Владимир Нахабцев);

Женщина *взглянула* на юриста отчаянным, затравленным *взглядом* (Е. Маркова. Отречение).

Здесь мы наблюдаем своеобразную экспорпацию из семантики производящей основы одной семы — «тип, параметр»: производные существительные в творительном падеже выражают качество или действие не вообще, а как такое, которое может по-разному проявляться у разных людей в разных жизненных ситуациях, отсюда и обязательная сочетаемость с прилагательным (*красив интеллигентной красотой; взглянула удивленным взглядом*) или родительным падежом субъекта (*красив красотой интеллигентного человека; взглянула взглядом удивленного ребенка*), что синонимично наречию (*интеллигентно красиво, удивленно взглянула*). Значит, и в этом случае появление девербатива или деадъектива при однокоренных производящих словах обусловлено синтаксической функцией. Отличие конструкции с творительным параметрическим (или способом действия) от случаев тематизации предшествующего предиката состоит в том, что лексическое значение целиком не повторяется — оно сужается.

Кроме того, эти конструкции принадлежат сфере синтаксической синонимии. Творительный падеж производного существительного несет потенциальную предикативность, поэтому может быть отделен союзом. См. знаменитые строки из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Родина»: *Люблю отчизну я, но странною любовью!* Часто в основе конструкции, построенной на соединении производящего и производного слов, лежит сравнение, и, соответственно, свернутая предикативная единица разворачивается до придаточного, возмещающего семантическую недостаточность производного существительного:

Красавец Анатолий, улыбаясь, что-то говорил даме, которую он вел, и *взглянул* на лицо Наташи тем *взглядом*, каким *глядят на стены* (Л. Толстой. Война и мир).

Тем самым общепризнанные синтаксические (субстантивные) дериваты выполняют три функции: 1) текстово-синтагматическую (средство связности между предикативными единицами), вариантом этой функции являются генеритивные высказывания, предполагающие либо предшествующее знание, либо текст; 2) системно-парадигматическую (синтаксическая синонимия, образование неизосемических компонентов); 3) семантико-синтаксическую, соединяющую технику повтора от первой функции и синонимическую предназначенность конструкции — от второй (творительный параметрический, потенциально предикативный). Вторая функция в определенной мере противоречит определению синтаксической деривации, поскольку при синонимических заменах функциональная характеристика может не меняться.

Если при именной деривации работает весь набор функций, то при глагольной наиболее значимой становится вторая.

Обратимся к глагольным словообразовательным дериватам (глаголам изменения признака — *белеть, уметь, молодеть, леветь*) и проблеме их системно-грамматической интерпретации как дериватов синтаксических. Задача — доказать, что глаголы изменения признака как в стативном, так и в эволютивном значении, независимо от семантики корня, являются синтаксическими дериватами, сущность которых обнаруживается как в синтаксической парадигматике (вторая функция), так и на уровне текста. Эволютивное (динамическое) значение признается первичным, а стативное — вторичным, конструктивно и текстово обусловленным.

При изолированном уровне описания отадъективных глаголов словообразовательная характеристика пишется на одних основаниях, а семантико-синтаксическая — на других. Применение критерия Г. О. Винокура [Винокур 1946; Кретов 2016] в рамках словообразования предполагает отсылку только к положительной степени производящего прилагательного: *бледнет* — становится *бледным*. Однако сам Г. О. Винокур объяснял свой прием словообразовательного разбора обращением к словарным толкованиям. А в словарях мы находим, что в толкованиях глаголов на *-еть* с семантикой изменения признака используется как положительная степень прилагательных,

так и сравнительная: *умнеть* — «становиться умнее»; *бледнеть* — «становиться бледным, бледнее». Соответственно, синонимическую поддержку производного глагола обеспечивают как предложения с положительной степенью прилагательного в предикативной функции, так и со сравнительной степенью: *С годами люди умнеют.* = *С годами люди становятся умнее;* *Ночь бледнеет.* = *Ночь становится бледнее;* *Вдруг он бледнеет.* = *Вдруг он становится бледным.* При этом положительная степень в толковании употребляется как с глаголом *становиться* (*Он вдруг бледнеет от страха* = *вдруг становится бледным*), так и с глаголом *виднеться* или его синонимичным сочетанием *быть видимым* (*Белеет парус одинокий* (М. Лермонтов)), в отличие от сравнительной.

При учете взаимодействия уровней необходимо обратить внимание на семантику глаголов, которые используются в толковании дериватов со значением изменения признака. Они входят в составные адъективные предикаты с добавочным синтаксическим значением: фазисным — глаголы *стать, становиться*, эвиденциальным (авторизующим) — глагол *виднеться*. И то и другое значение признается модификационным на уровне синтаксической конструкции, а сами глаголы — неполнознаменательными. Конструкции с неполнознаменательными глаголами интерпретируются в современной синтаксической науке как производные от конструкций с адъективными компонентами: *Он белый от страха;* *На горизонте белый парус* («он там есть»). Синтаксическая производность обеспечивается (наряду с другими средствами) словообразовательными единицами; тем самым проблема синтаксической деривации оказывается связана с проблемой системных отношений между синтаксическими конструкциями, т. е. синтаксической парадигматикой. Это направление синтаксических исследований в русистике породило разные терминологические обозначения производных синтаксических конструкций и разные способы их системного описания. В концепции В. А. Белошапковой [Белошапкова, Шмелева 1981] принимается понятие регулярной реализации, совокупность регулярных реализаций предстает как деривационная парадигма предложения. В концепции Г. А. Золотовой

производная конструкция получает название структурно-семантической модификации, а все варианты перестройки модели предложения объединяются в синтаксическое поле предложения [Золотова 1973]. В рамках второй концепции (в отличие от концепции В. А. Белошапковой) словообразовательная деривация интерпретируется как средство синтаксической синонимии, которая возможна не только между базовой моделью и модификацией (*Он победил* — *Он одержал победу*), но и между модификациями. Модификационные значения могут обеспечиваться средствами разных уровней, в том числе словообразовательными (*Он стал бледным* — *Он побледнел*). Соответственно, семантика предложений с производными глаголами интерпретируется через семантику фазисных структурно-семантических модификаций исходного предложения с адъективным предикатом.

В статье Г. А. Золотовой «О новых возможностях лексикографии» глаголы изменения признака рассматриваются в связи с их полисемией, т. е. различием динамического и статического значений. Автор различает «зримое изменение признака» и «зрительно воспринимаемый признак» [Золотова 1994]. Первое значение, синоним модификационного (фазисного) значения, по отношению к конструкции является свободным, второе же появляется в условиях определенного коммуникативного регистра. В статье было показано, как семантика глагола предопределяет его морфологические свойства (приоритет форм 3-го лица и ограничение на формы 1-го лица), сочетаемостные возможности (связь с локативными или темпоральными синтаксемами), а также тип субъекта — носителя качества: глаголы с динамическим значением соединяются с субъектами личными, предметными, пространственными, глаголы со статическим значением — только с субъектами предметными. Глаголы различаются и словообразовательными средствами: к глаголам с динамическим значением присоединяется префикс *по-*, к глаголам со статическим значением — другие приставки; постфикс *-ся* взаимодействует со статическим значением, но не с динамическим (см. также: [Исаченко 2003, 2: 51]).

Дополним наблюдения Г. А. Золотовой. Рассмотрим примеры:

(1) Поодаль, в стороне, *темнел* каким-то скучным синеватым цветом сосновый лес (Н. Гоголь);

(2) Древний образ с годами *темнел*, краски тускнели (Т. Лапшина).

Статическое значение — в примере (1), динамическое — в примере (2). Динамическое значение поддерживается распространителем с темпоральной семантикой (*с годами*). Оба примера связаны с семантикой перцептивности. Но если для глаголов с динамическим значением возможен как перцептивный, так и ментальный модус, то статическое значение связано прежде всего с модусом восприятия (репродуктивным регистром) и с бытийным значением в семантике предложения. Статическое значение отадективных глаголов возникает в результате определенной модификации исходной бытийной конструкции, состоящей из трех обязательных компонентов (локализатор — экзистенциальный глагол — Им. падеж существительного). Если при существительном стоит прилагательное, то предложение может быть трансформировано таким образом, что корень прилагательного из атрибутивной позиции передвинется в предикативную, средством такого передвижения (повышения в ранге) становится глагольный дериват: *Вдали стоял/был темный лес* => *Вдали темнел лес*; *И на всех перекрестках белели вербы* (И. Бродский) <= *На всех перекрестках были белые вербы*; *А вон там носок сына полосатеет* (Г. Яблонская) <= *А вон там лежит/виден полосатый носок сына*.

В лингвистических работах, как правило, акцентируется внимание на глаголах, образованных от цветowych прилагательных, однако большая часть глаголов со значением изменения признака образуется от именных корней, называющих ненаблюдаемые признаки (социальные, этические, эмоциональные свойства человека), для которых первичным значением является динамическое: *Он взрослеет/умнеет/наглеет*; *Она мудреет/добреет/гламурнеет*. Конструкция с глаголами на *-еть* в динамическом значении выражает изменение признака на некоторую величину в некоторый

промежуток времени. Это делает возможными отношения синонимии между глаголом и компаративом: *Он становится умнее*; *Она становится добрее/мудрее*.

Даже среди перцептивно обусловленных производных глаголов (глаголов «интенсивности») есть такие, которые сохраняют эволютивное значение и в рамках бытийной конструкции: *Редееет* облаков летучая гряда (А. Пушкин). В их толкованиях используется не только положительная степень, но и сравнительная степень прилагательного («становится редким, реже»).

В современном русском языке обращают на себя внимание два деривационных процесса — образование компаративов⁵ и образование глаголов на *-еть*⁶. В неформальной письменной речи (интернет-ресурсы) находим следующие примеры с отадективными глаголами: *цены скромнеют, полезнеет на глазах, прекраснеет день ото дня, серебреет с каждым годом, он все бронзовеет и бронзовеет, стена мокреет, курорт гламурнеет, рок попсовет, экран полосатеет, с возрастом любой дурак круглеет, Трофим по ходу главнеет*. Говорящие, используя словообразовательную модель глаголов на *-еть*, вовлекают в нее все новые и новые адъективные лексемы (а также и отсубстантивные: *чугунеть, каменеть, обезголосеть*). Появление производного глагола с семантикой изменения признака свидетельствует об изменениях в семантике прилагательных: относительные прилагательные приобретают

⁵ См., например: [Борзенко 2018; Гращенков 2019].

⁶ На особые отношения глаголов на *-еть* и компаративов обращают внимание специалисты по орфоэпии. По результатам статистического исследования, проведенного в ИРЯ РАН, были сделаны предварительные выводы о том, что в постановке ударения на адъективной основе или аффиксе обнаруживается корреляция между глагольными словоформами и компаративом (устное сообщение М. Л. Каленчук): *белый — белее — белеть*; *умный — умнее — умнеть*; *суровеет — суровее*; *голубеет — голубее*; *гламурнеет — гламурнее*. См. также обыгрывание примеров с «неправильным» ударением «Туризм гламурнеет» (Интернет-ресурс) и знаменитое «Тицательнее надо, ребята» (М. Жванецкий).

качественное значение. Полученные глагольные лексемы (б) имеют динамическое значение, синонимичное компаративу (а):

(а) Оставаться на ужин не стоит — цены неоправданно высокие, а атмосфера с каждым часом *становится гламурнее и гламурнее*; Infiniti взрослеет — *и становится гламурнее*; 9 способов стать *креативнее* за 10 минут; Кемерово *становится креативнее*; Аниме с английской озвучкой само по себе *становится попсовее*;

(б) Курорт строится, *гламурнеет* и... теряет лица! необщее выражение; Среди инструментов, например, молоток самый древний, тоже как-то не *гламурнеет* и дураков наказывает битыми пальцами; Мода *креативнеет*, маразм крепчает; Бесконечно грустно наблюдать, как *попсовеет* приличный парфюмерный бренд.

Динамическое значение может быть поддержано и положительной степенью прилагательного: *Если вы твердите себе постоянно: «я такая толстая», «я такая страшная», «я такая старая», то ваш организм начинает подстраиваться под эти мысли и толстеть, страшнеть, стареть...* (М. Берендеева) — или наречия: *...странствия превратят вас самого, ваше «я», в некое «странно»; от смены стран вы будете страннеть...* (С. Кржижановский).

Стандартным значением компаратива принято считать количество признака в большую сторону от нормы, представленной положительной степенью прилагательного, ср.: *богатый — (еще) богаче*. Но возможны случаи, когда компаратив обозначает увеличение количества признака от противоположного полюса в сторону нормы, выраженной положительной степенью (*богатеть* — «от бедности к богатству», *умнеть* — «от глупости к уму», *добреть* — «от злобы к добру»). В глаголе мы наблюдаем следующую картину: динамический признак, выражаемый глаголом, обслуживает всю ось, соединяющую два семантических полюса, и очень часто именно ту часть оси, которая ближе к антониму: *строить* — это, скорее, не становиться стройным, а переставать быть толстым, двигаться в сторону стройности; *глупеть* — это не только становиться глупым, но и становиться менее умным. Эту особенность семантики глаголов на *-еть* могут отражать словарные толкования: в толковании может использоваться аналитическая сравнительная

степень антонима: *редеть* — «становиться менее густым», *беднеть* — «становиться менее богатым или менее имущим».

В современном русском языке связь глаголов на *-еть* с компаративом подтверждается также прямым образованием глаголов от компаративов с чередованием в основе или супплетивным формообразованием: *худшеть, лучшеть, тоньшеть* и др. Например: *Надоело быть толстой, решила тоньшеть*; *С годами он стал лучшеть*; *Все потихоньку дорожает и худшеет*.

Взаимодействие компаративов и глаголов на *-еть* обнаруживаем и на уровне текста, например в диалогах на форумах. Так, на одном из форумов обсуждались изменения правил дорожного движения:

1. Кольцо не всегда *главное*. Оно *главнеет* только со знаком. Без знака правила правой руки.

2. *Поглавнел* у них уже круг или нет?

3. Теперь если нет знака, то кольцо *главнее*.

4. На таких перекрестках, конечно же, устанавливают знаки приоритета с указанием, кто на этом перекрестке *главнее*.

5. Тот, кто внутри кольца, *главнее*, чем тот, кто снаружи;

6. Есть такая категория водителей — ...в их головах дорога, по которой они едут, часто *«главнеет»*, вот они и прутся, как их левая нога захочет.

Прокомментируем этот материал. Прилагательное *главный* в ПДД входит в состав термина *главная дорога* и не имеет степеней сравнения. Реплика 1 использует каноническое значение, и глагол *главнеет* означает «становится главным». То же значение в реплике 2 (*поглавнел круг* = «стал главной дорогой»). В репликах 3–5 употребляются формы сравнительной степени, которые указывают на смещение значения: компаратив *главнее* указывает на шкалу приоритетности, значимости; в примерах 4, 5 идея приоритета прямо переносится на людей; здесь уже речь идет о том, кто из водителей становится важнее, приоритетнее в конкретной дорожной ситуации. В реплике 6 глагол обозначает не объективное изменение статуса дороги, а субъективное понимание правил приоритета отдельными водителями: дорога, по которой они едут, *«главнеет»* только в их представлении, потому что они считают себя важнее всех остальных.

Прилагательное *главный* обозначает признак, установленный правилами, а не приписываемый говорящим, что не предполагает градации и образования компаратива. Однако компаратив появляется. В данном примере *главнее* от прилагательного не обозначает большего по отношению к положительной степени количества признака, а обозначает изменение статуса одного из двух сравниваемых предметов в сторону главного («становится главной дорогой, перестает быть неглавной»). Понятно, что в зависимости от знака одна и та же дорога может стать главной или второстепенной. Глагол *главнеть* употребляется в двух случаях: когда изменяется знак (констатация пишущим объективной ситуации) и когда кто-то решает, что правило ему не закон (осуждение пишущим тех, кто едет как их левая нога захочет).

Словообразовательная модель отаждёктивных глаголов на *-еть* применяется для обозначения признака, выражающего динамику (смену) политических взглядов: *леветь, праветь, коричневеть, зеленеть, краснеть*. Глагол данной семантики стал сюжетообразующим в юмористическом рассказе А. Аверченко «История болезни Иванова» (1910–1911): сюжетом становится процесс «левения» героя, постепенного движения от «беспартийности» к предельно левой позиции. Этот рассказ интересен еще и тем, что многие семантико-грамматические свойства глаголов изменения признака нарушаются, а некоторые доводятся до абсурда. У А. Аверченко глагол *леветь* представлен как глагол ощущения, изменения состояния и соотносится с внутренней точкой зрения: *Чувствую, что левею* (ср.: *Чувствую, что заболелаю*), а отсюда и употребление в формах 1-го и 2-го лица. Глагол, обозначающий изменение политических взглядов, начинает соотноситься с перцептивным модусом: изменение признака воспринимается внешним перцептором: *Было слышно, как Иванов, лежа на кровати, левел; Иванов сидел в кресле, мрачный, небритый, и на глазах у всех левел*. Процесс изменения политического мышления представлен как неконтролируемый субъектом: это не свободный выбор субъекта мыслящего, а его заболевание, которое все более и более прогрессирует.

На вопрос приставка о состоянии здоровья Иванов называет свою очередную партийную принадлежность:

Пристав взял его руку, пощупал пульс и спросил:

- Как вы себя сейчас чувствуете?
- *Мирнообновленцем!*
- ...А вчера как вы себя чувствовали?
- *Октябристом*, — вздохнул Иванов. — До обеда — *правым крылом*, а после обеда *левым*...

Движение в сторону предельной левизны градуировано и отмечается названиями партий: октябристы (правое и левое крыло), мирнообновленцы, кадеты, социал-демократы. Это означает, что Иванов с каждым следующим часом и с каждой следующей партией «становится все левее», т. е. глагол *леветь* синонимичен предикату *становиться левее, становиться более левым*. Постепенное изменение признака представлено перфектной приставкой *по-* и частицей *еще: еще полевел*, частицей *всё: Всё левееете?*

Текстообразующей может быть сама сема эволютивности, что обуславливает появление глаголов изменения признака:

- Перевал открывается так.
- Вокруг *просторнеет, редееет*.
- Пихты, кедр, облака, скалы.
- Выходит свобода из ниоткуда.
- Невидимое становится видимым.
- Страннеет* дышать.
- Двери, двери, премудростию вонмем.
- Деревенеет* шаг.
- (А. Иконников - Галицкий. Перевал).

Для производных глаголов изменения признака характерна приставка *по-*, которая может обозначать: 1) приобретение признака (*побелел, покраснел, постарел* = стал белым, красным; стал выглядеть старым) и 2) начало становления признака (*заметно похудела; поздоровел, попросторнел; поглупел* = стала худее, чем была, т. е. менее полной; стал здоровее, стал просторнее; стал глупее, чем был). См. примеры:

(1) Вчера с утра был здоров, беспартийность чувствовал, а потом оборвалась печенька и *полевел!* (Аверченко. История болезни Иванова); В давние годы звучала убийственным нравственным приговором характеристика: «иван, не

помнящий родства». В наши дни суть формулы подзабыта, да и нравственные оценки *полиберальнели* (А. Зимбули);

(2) Уже после первой процедуры вы замечаете, что *похорошели*, отдохнули и *помолодели* (Морщины — не повод для печали. 2002.03.04); Думала даже сломать печку-то, в доме *попросторнее*, да как-то рушить жалко, привыкли (Е. Носов. Шопен, соната номер два).

Отадъективные и отсубстантивные глаголы изменения признака имеют «налет» разговорности, ментальной наивности, традиционно их фиксировали словари диалектных слов (*просторнеть, покорочеть*), словари детских словообразовательных инноваций (*тонеть, глухеть, мокреть, слепеть, красотеть, темнотеть*); сегодня, по-видимому, они теряют социально-возрастную окраску в силу всеобщего использования словообразовательной модели, сохраняя между тем разговорный характер.

Для динамического значения рассматриваемых глаголов возможна и безличная форма, которая выражает изменение состояния, представленного с внутренней точки зрения, как ощущение:

Мне поплохело на выходе, и я моментально оказалась на кушетке с ваткой с нашатырем под носом; Я стал убирать снег, и *мне «поплохело»* от того, что я увидел; Когда я услышал цену, *мне подурнело*; На понтонной переправе *мне подурнело* и так качнуло, что я чуть в Неман не булькнул; Магический эффект от большой чашки кофе не заставил себя ждать, *мне похорошело*, и я повеселела (Интернет-ресурс).

Ощущения могут быть переданы через локализацию в какой-то части тела: *голова тяжелела, веки отяжелели, руки немеют, холодеют; ноги ватнеют, чужунеют; в глазах темнеет, в голове пустеет*.

Префиксация различает значения полисемичных глаголов: *побронзоветь* — загореть бронзовым загаром, стать бронзовым призером (в спорте); *забронзоветь* — стать важным, надменным; *подобреть* — стать добрее или стать полнее, *раздобреть* — только «стать полнее, растолстеть»; так же различаются омонимы: *порусеть* — стать русым, более русым; *обрусеть* — стать русским по культуре, языку, обычаям.

Приставки, взаимодействуя с одним значением, могут различать меньшую

или большую степень проявления признака: *нагнеть — понагнеть — обнагнеть; полнеть — пополнеть — располнеть; грубеть — погрубеть — загрубеть; попсоветь — попопсоветь — запопсоветь*.

Выводы. Обобщим представленные наблюдения и подведем итоги.

1. Понятие синтаксической деривации функционирует не только в системе имен, но и между именами и глаголами. При образовании отадъективных глаголов признаковое значение перемещается из пространственной сферы во временную. При этом синтаксическая функция может как сохраняться (для глаголов с эволютивным значением), так и изменяться (для глаголов со статическим значением).

2. Акцент на глаголах, образованных от цветowych и световых прилагательных, позволяет увидеть связь семантики глагола с конструкцией и коммуникативным регистром, однако ограничивает поле зрения лингвистов. Картина меняется при включении в рассмотрение всех глаголов со значением изменения признака. Прототипическими оказываются глаголы, образованные от собственно качественных прилагательных. Первичным является не статическое значение, а эволютивное (динамическое).

3. Отадъективные глаголы, как в статическом, так и в динамическом значении, — результат синтаксической деривации, транспозиции именной основы с качественно-характеризующей семантикой из именной системы в глагольную. Производная глагольная основа получает семантическое приращение: либо эвиденциально-темпоральное, обусловленное перцептивным модусом, либо эволютивно-темпоральное, которое соединяет временную семантику со значением количества признака. Две модификационных семы указывают на два направления мотивации: эвиденциально-темпоральное — через положительную степень прилагательного, эволютивно-темпоральное — через положительную и через сравнительную степень.

4. Производные глаголы с эволютивной семантикой являются средством синтаксической синонимии на уровне фазисных структурно-семантических модификаций (*глупеет — становится глупее, темнеет — становится темным, темнее,*

темно), что является одним из аргументов в пользу интерпретации этих глаголов как синтаксических дериватов. Это значит, что отношения семантической мотивированности могут соединять не только две лексемы, но и лексему и словоформу, т. е. лексему и синтаксему.

5. Аргументом в пользу синтаксической деривации можно считать и продуктивность, которую демонстрируют эти глаголы: продуктивность номинативных дериватов обусловлена денотативной необходимостью (пополнение языковой картины мира), продуктивность синтаксических дериватов обусловлена дискурсивно, что предполагает высокую частотность относительно номинативных дериватов. При этом активизируется креативный потенциал словообразовательной системы, в результате семантика компаративности выходит за пределы прилагательного и входит в зону глагольности (количество качества во времени).

6. Наличие однокоренного глагола с семантикой изменения признака является свидетельством, в ряду других (собственно именных), того, что производящее относительное или притяжательное прилагательное имеет потенциально-качественную семантику (*Язык научнеет, Душа осеннеет, Продукт цифровеет*).

7. Важность для современного человека фиксировать изменения в быстро меняющемся мире, сравнивать и сопоставлять, но не в пространстве, а во времени, обуславливает востребованность не только аналитических предикатов с компаративами, но и их синонимов — глагольных дериватов со значением изменения признака.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белошапкина В. А., Шмелева Т. В. Деривационная парадигма предложения // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. 1981. № 2. С. 46–51.
2. Борзенко Е. О. Нестандартные формы компаратива в современном русском языке: образование, употребление, семантика. М.: РГГУ, 2018. 24 с.
3. Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1946. Т. V, вып. 4. С. 315–332.
4. Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис. М.: Наука, 1979. 264 с.

5. Гращенков П. В. Грамматика прилагательного. Типология аъективности и атрибутивности. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2019. 432 с.

6. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 221 с.

7. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 352 с.

8. Золотова Г. А. О новых возможностях лексикографии // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 85–95.

9. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: ИРЯ РАН, 2004. 541 с.

10. Ильенко С. Г. Синтаксические единицы в тексте. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1989. 84 с.

11. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: морфология: I–II. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2003. 570 с.

12. Кретов А. А. О так называемом «Критерии Г. О. Винокура» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 150–154.

13. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Курилович Е. Очерки по лингвистике: сб. статей. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 57–70.

14. Мурзин Л. Н. Основы дериватологии: конспект лекций. Пермь: Пермский государственный университет, 1984. 56 с.

15. Полтавский П. Х. Синтаксическая деривация в аспекте современных лингвистических исследований // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. 2012. № 2. С. 107–116.

16. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. Praha: Acad., 1979. 664 с.

17. Современный русский литературный язык: новое издание / под ред. П. А. Леканта. М.: Высшая школа, 2009. 766 с.

18. Шелякин М. А. Язык и человек: к проблеме мотивированности языковой системы. М.: Флинта, 2012. 296 с.

REFERENCES

1. Beloshapkova V. A., Shmeleva T. V. The derivation paradigm of the proposal. *Vestnik MGU. Seriya 9: Filologiya* = *Moscow University Philology Bulletin*. 1981. No. 2. P. 46–51. (In Russ.).
2. Borzenko E. O. Non-standard forms of the comparative in modern Russian: education, use, semantics. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2018. 24 p. (In Russ.).

3. Vinokur G. O. Notes on Russian word formation. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka* = *Bulletin of the Russian academy of sciences: studies in literature and language*. 1946. Vol. V, No. 4. P. 315–332. (In Russ.).
4. Ginzburg E. L. Word formation and syntax. Moscow: Science, 1979. 264 p. (In Russ.).
5. Grashchenkov P. V. Adjective grammar. Typology of adjectivity and attribution. 2 ed. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2019. 432 p. (In Russ.).
6. Zemskaya E. A. Word formation as an activity. Moscow: Science, 1992. 221 p. (In Russ.).
7. Zolotova G. A. Essay on the functional syntax of the Russian language. Moscow: Science, 1973. 352 p. (In Russ.).
8. Zolotova G. A. About new possibilities of lexicography. *Voprosy Yazykoznanii* = *Linguistics issues*. 1994. No. 4. P. 85–95. (In Russ.).
9. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. Communicative grammar of the Russian language. Moscow: Russian Language Institute RAS, 2004. 541 p. (In Russ.).
10. Ilyenko S. G. Syntactic units in the text. Leningrad: Leningrad State Pedagogical Institute named after A. I. Herzen, 1989. 84 p. (In Russ.).
11. Isachenko A. V. Grammatical structure of the Russian language in comparison with the Slovak language: morphology: I–II. 2 ed. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2003. 570 p. (In Russ.).
12. Kretov A. A. On the so-called "Vinokur criterion". *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Kemerovo State University*. 2016. No. 3. P. 150–154. (In Russ.).
13. Kurilovich E. Derivation lexical and derivation syntactic. Kurilovich E. *Ocherki po lingvistike: sb. statei* = *Essays in linguistics: collection of articles*. Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1962. P. 57–70. (In Russ.).
14. Murzin L. N. Fundamentals of derivatology: lecture notes. Perm': Perm State University, 1984. 56 p. (In Russ.).
15. Poltavsky P. Kh. Syntactic derivation in the aspect of modern linguistic research. *Vestnik MGU. Seriya 9: Filologiya* = *Moscow University Philology Bulletin*. 2012. No. 2. P. 107–116. (In Russ.).
16. Russian grammar: in 2 vol. Vol. 1. Praha: Acad, 1979. 664 p. (In Russ.).
17. Modern Russian literary language: New edition / P. A. Lekant (ed.). Moscow: Higher school, 2009. 766 p. (In Russ.).
18. Shelyakin M. A. Language and man: towards the problem of motivation of the language system. Moscow: Flinta, 2012. 296 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Надежда Константиновна Онипенко, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка имени В. В. Виноградова, Российская академия наук

Елена Николаевна Никитина, кандидат филологических наук, научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление», Российская академия наук

Nadezhda K. Onipenko, Cand. of Sci. (Philol.), Leading Researcher, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences

Elena N. Nikitina, Cand. of Sci. (Philol.), Researcher, Federal Research Center Computer Science and Control of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию 13.03.2021; одобрена после рецензирования 06.04.2021; принята к публикации 14.04.2021.

The article was submitted 13.03.2021; approved after reviewing 06.04.2021; accepted for publication 14.04.2021.